

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 1(091)

Виноградов А.И.

ВЗГЛЯДЫ Л.П. КАРСАВИНА НА СУБЪЕКТ ИСТОРИИ*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды на субъект истории, сформировавшиеся у одного из представителей русской религиозной философии – Л.П. Карсавина. Выявляются наиболее характерные черты этих взглядов. Показывается, что в учении Карсавина представление о субъекте истории, сформированное в философии всеединства, получило дальнейшее развитие и конкретизацию. На основании изученного материала делается вывод о том, что взгляды Карсавина на субъект истории стали логическим завершением тех тенденций в его понимании, которые были заложены В.С. Соловьевым.

Ключевые слова: субъект истории, философия всеединства, русская религиозная философия, метафизика, личность, коллективная историческая индивидуальность.

Л.П. Карсавин - одна из ключевых фигур русской религиозной философии XX века. В его творчестве были последовательно реализованы и получили дальнейшее развитие принципы, сформулированные в русле школы философии всеединства. В частности, Карсавин подробно разрабатывал учение о субъекте истории, продолжая традиции, заложенные основателем школы В.С. Соловьевым. Можно утверждать, что понятие субъекта исторического развития является одним из важнейших понятий философии истории Карсавина. В нем нашли отражение самые существенные представления философа об историческом процессе. Притом, что Карсавин не часто употреблял сам термин «субъект истории», именно его содержание служило для мыслителя предметом постоянного философского интереса. Достаточно упомянуть о карсавинской иерархии личностей, которая, по сути, характеризует участников исторического процесса и взаимоотношения между ними.

Карсавин, также как и Соловьев, основывает свой анализ субъекта истории на двух понятиях: «цель» и «развитие», поскольку без них невозможно определить характер субъекта. Цель, является желательным результатом деятельности субъекта, благодаря чему определяет характер его развития и выражает самую сущность субъекта, развивающегося в ходе достижения этой цели.

Говоря о понимании Карсавиным цели развития субъекта истории, надо отметить, что философ отказывался видеть такую цель в конце процесса развития или в одном из его этапов, так как в этом случае произойдет обесценивание всех прочих этапов. Все моменты развития, с его точки зрения, должны быть равноценны, как этого требует теория всеединства: «всякий момент содержит в себе нечто неповторимое и ценное абсолютно» [1, с. 63]. Тем не менее, Карсавин признает ие-

---

* © Виноградов А.И.

рархию моментов развития, в которой значение каждого момента зависит от степени его приближения к абсолютному идеалу. Последнее обстоятельство придает цели развития метафизический смысл: цель истории оказывается выведенной за пределы земного существования. Благодаря такому пониманию цели исторического развития возникает представление об истории как всеобщем процессе, едином во всех своих частях. Недаром Карсавин подчеркивает, что «развивающееся не допускает никакой атомизации» [1, с. 20].

В данном представлении проявилось характерное для Карсавина отношение к истории как к процессу принципиально отличному от всех прочих явлений. Суть этого отношения была сформулирована Карсавиным в работе «О началах» (1925). В ней философом был провозглашен методологический принцип, состоящий в том, что человеческое сознание способно познавать «моменты либо преимущественно со стороны их разъединенности, либо преимущественно со стороны их единства» [2, с. 119]. И отличие истории заключается как раз в том, что ее проявления всегда воспринимаются в разъединенности: «объекты истории всегда конкретны или, по крайней мере, даны не без конкретных своих осуществлений» [2, с. 122].

Следовательно, для познания подлинной цели истории (а не той, которая представляется при поверхностном эмпирическом ее изучении) необходимо отвлекаться от ее «конкретных осуществлений» и обратиться к ее метафизическому плану, в котором эта цель обладает недостижимым для эмпирии единством. Так факт многообразия исторических явлений Карсавин использует в качестве методологического основания для вывода о необходимости обращения к метафизическому плану истории. Цель истории с этой точки зрения обладает метафизическим единством и, как следствие, субъект истории (понимаемый как метафизический, а не эмпирический субъект) также обладает метафизическим единством.

Другой вопрос заключается в том, насколько осуществлено или, вообще, осуществимо это единство субъекта истории. Для ответа на него Карсавин использует понятие «развитие». При определении этого понятия применительно к субъекту истории, мыслитель выделил две его характеристики.

Во-первых, он подчеркивает непрерывность протекания исторического процесса, не допускающую никакого разъединения между элементами, составляющими ее субъект. Показательно, что в ходе рассуждения, посвященного этому вопросу, Карсавин, говоря о единстве истории, апеллирует к представлению о психической жизни отдельного человека, являющегося, по его определению «последнею «единицею» исторического процесса» [1, с. 25]. Психическая жизнь каждого индивида является непрерывным процессом. По аналогии с ней непрерывностью наделяется и процесс взаимодействия индивидов между собой.

Во-вторых, развитие субъекта истории по Карсавину не поддается причинному истолкованию. Мыслитель иллюстрировал это положение картиной взаимодействия двух людей, каждый из которых в своих восприятиях и действиях не может быть детерминирован только воздействием другого человека, внешним по отношению к нему влиянием. «В каждом индивидууме, поскольку он воспринимает воздействие другого и развивает то, что получает от него и делает своим, и поскольку он воздействует на другого сам, есть нечто беспричинное, даже не разъединимое на свое и чужое» [1, с. 26].

Как первая, так и вторая характеристики процесса развития со всей очевидностью свидетельствуют о том, что субъект истории, являющийся носителем этого процесса, представлялся Карсавину как единый, обладающий всеобщностью и как понимаемый только в своем единстве. Недаром главной задачей истории Карсавин считал «познание всего космоса, всего тварного единства как единого развивающегося субъекта» [1, с. 81].

Реализация такой задачи как «познание всего космоса» предполагает выход за пределы материального многообразия мира в область метафизики. К такому предмету изучения как «весь космос» не применимы те методы исследования, которыми пользуются в отношении пространственно ограниченных предметов. В результате, его познание неизбежно приобретает метафизические черты, становится чисто умозрительным. Поэтому Карсавин и строит свою философию истории на основе рассуждений о метафизическом плане реальности.

Он прямо заявляет, что «осмысление истории человечества возможно только как метафизика истории, степенью близости к которой определяется ценность всякой исторической работы» [1, с. 171]. Но, логическим продолжением метафизики является признание религиозной картины мира. Понимая развитие как метафизический процесс, Карсавин не мог не наделять его чертами, свойственными для явлений, относящихся к области религии. Там, где позитивисты пытаются выявить естественные законы функционирования истории, Карсавин видит проявление высшего, Абсолютного начала, обуславливающего собой все сущее.

В своем учении о субъекте истории Карсавин проявил себя последовательным противником одной из наиболее мощных тенденций западноевропейской философии, заключающейся в максимальном дроблении этого субъекта. Начавшаяся с эпохи Возрождения секуляризация сознания постепенно приводила европейских мыслителей к необходимости преодоления христианского представления о человечестве как субъекте истории. Его место все больше занимали отдельные народы (О. Шпенглер, А. Тойнби), классы (К. Маркс, Ф. Энгельс) или индивидуальности (В. Дильтей). Для Карсавина неприемлемы подобные точки зрения. Всем своим творчеством он пытался вернуть пониманию субъекта истории утраченную целостность. Главную ошибку западноевропейской философии Карсавин видел в индивидуалистическом характере применявшейся в ней гносеологии, закономерным продолжением которой и было отрицание всеединства субъекта истории.

С этих позиций Карсавин критиковал Шпенглера, который разбивает субъект истории на изолированные культуры. Он усматривал в концепции Шпенглера подспудное признание одного общего для всех культур закона развития. А наличие этого закона должно приводить к выявлению одного единого субъекта истории [1, с. 96]. Не принимал Карсавин и утверждение классового или партийного эгоизма, которые так ярко были выражены в марксизме. Что же касается методов исторического познания, применявшихся Дильтеем, то Карсавин, в некоторой степени разделяя методологию, применявшуюся немецким мыслителем, считал, что между познающим и познаваемым субъектами существует не просто психологическое сходство, но фундаментально единство. Личность, по его мнению, должна воспринимать другое «я» как свое иное, должна осознать свое двуединство, свою соотнесенность «с другими индивидуальными личностями в лоне симфонической и социальной личности» [3, с. 10], то есть, познавать себя как часть единого целого, в своем всеединстве с другим. В результате, у Карсавина мы видим не одиночку, противостоящего враждебному ему миру, а личность, осознающую свое органическое единство с ним, что принципиально отличает его позицию от подхода Дильтея.

Отдельные люди, группы людей или события представлялись Карсавину лишь частными проявлениями высшей реальности, конкретизациями того, что в ней уже существует. Эта характеристика подтверждается следующим заявлением Карсавина: «История индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще» [1, с. 86]. Для него в каждой отдельной личности индивидуализируются тенденции, свойственные общим структурам: народу, национальности, культуре и другим. Главное в личности – это ее типичность, характерность для

того общего начала, проявлением которого она является.

Карсавин применяет это положение для собственного решения вопроса о роли личности в истории. С точки зрения карсавинской методологии значение отдельной человеческой личности должно быть таково, как и значение личности коллективной. Ведь и та, и другая личности представляют собой индивидуализацию всеединства, его момент. Не удивительно, что с точки зрения Карсавина бессмысленно говорить о традиционно понимаемой роли отдельной личности в смысле ее влияния на исторический процесс [1, с. 316].

Однако, при этом, нельзя полагать, что Карсавин совсем не признавал роли личности в истории. Скорее, можно говорить, что эта роль понималась им своеобразно. Отдельная личность по Карсавину поднимается до статуса субъекта истории в те моменты, когда она действует не своевольно, в соответствии с собственным произволом, а служит для раскрытия и конкретизации смысла деятельности, содержащегося во всеедином человечестве, выступает способом проявления «всеобщей личности», метафизически восходящей к Богу.

Все вышесказанное о развитии истории предопределило понимание Карсавиным ее субъекта как всеединого человечества. Ярче всего суть этого понимания раскрывается в решении Карсавиным двух вопросов: во-первых, вопроса о структуре субъекта, а, во-вторых, вопроса о соотношении структурных элементов между собой.

В структуру всеединого человечества как субъекта истории входит множество компонентов. Самым элементарным из них является отдельная человеческая индивидуальность. Затем идут различные социальные группы или коллективные исторические индивидуальности. К ним Карсавин относит семью, племя, род, сословие, класс, народ, культуру и другие.

Как отдельная индивидуальность, так и коллективные исторические индивидуальности являются по своей сути эмпирическими индивидуализациями во времени и пространстве всеединого исторического субъекта. Процесс исторического развития представляется Карсавину как непрерывное появление и гибель бесчисленных индивидуальностей. Одни из них существуют очень краткий исторический период, другие – несколько дольше и лишь немногие – в течение относительно долгого времени.

Однако возникновение и гибель индивидуальностей, по Карсавину, представляют собой только внешний, эмпирический план истории. Подлинной реальностью является идеальное или усовершенное человечество, как абсолютное задание для эмпирии [1, с. 260]. В ракурсе этой идеи каждая индивидуальность есть всеединое человечество, но в его несовершенстве и становлении. Таким образом, структурно субъект истории, согласно взглядам Карсавина, принципиально делится на две неравные части: с одной стороны – механическое единство разрозненных эмпирических людей, объединяемых общностью пространства и времени (человечество как совокупность физических существ) и, с другой стороны, метафизическое единство всех людей, объединенных духовной общностью (человечество как всеединая симфоническая личность). При этом эмпирическая часть субъекта истории представлялась Карсавину лишь неполным и частичным отражением его метафизической части. Подлинный субъект истории, согласно ему, – это метафизически понятое человечество.

Второй вопрос касается соотношения структурных элементов эмпирического человечества между собой. Карсавин видит в них определенную систему отношений, иерархичность. Место элемента в иерархии зависит от того, индивидуализацией какого из более крупных элементов он является. Есть элементы низшего и высшего порядка, причем, первые являются индивидуализациями вторых. Так,

личность отдельного человека является индивидуализацией качеств более высоких личностей (коллективных индивидуальностей). Человек, по Карсавину, ничего не добавляет к тому, что он получил от них, так как в его душе не может быть моментов, независимых от высших индивидуальностей, он представляет собой только их конечное, последнее качественное [1, с. 75-76].

Как на один из наглядных признаков того, что тот или иной элемент занимает более высокое место в иерархической структуре, Карсавин указал на приносимые ради него жертвы элементами, занимающими более подчиненное положение: «везде, где мы имеем дело с самопожертвованием, как не случайным явлением, перед нами биологический индивидуум высшего порядка, жертвующий своей частью» [4, с. 102].

Но и среди коллективных исторических индивидуальностей имеется своя иерархия. Карсавин выделяет среди них индивидуальности двух типов: надорганические (семья, род, племя, народ, культура и др.) и органические (класс, дружина, католическое духовенство и др.). Надорганические индивидуальности мыслитель рассматривает как собственно-всеединные, а органические как умалено-всеединные. Притом, что ни один из типов коллективных исторических индивидуальностей не выражает всей полноты всеединого субъекта истории, тем не менее, надорганические индивидуальности достигают этого в большей степени [1, с. 154].

Существует своя иерархия и внутри надорганических индивидуальностей. Высшее место в иерархии таких индивидуальностей, по Карсавину, занимает Церковь. Это вполне закономерно вытекает из всей предшествующей логики его рассуждения. Человечество становится субъектом истории благодаря сотворившему его Богу. Будучи несовершенным в материальной действительности, оно стремится к Богу, как к своей цели. А символом и выражением связи Бога и человечества является Церковь, отражающая, таким образом, смысл существования субъекта истории, его задачу – стать совершенной Церковью [1, с. 172]. Церковь по Карсавину представляет собой предельное совершенство для человечества, а процесс исторического развития – это раскрытие, развертывание Церкви [1, с. 273].

Карсавин признает, что конкретным объектом изучения для историка всегда является живая развивающаяся личность [1, с. 189]. Но узнать ее по отдельным отрывочным проявлениям невозможно, поэтому историк восходит к общему и стремится найти в этой личности проявления всеединства, которое связывает все проявления в единую картину. Таким образом, отдельная личность как объект изучения историка, ведет его к познанию всеединства, частной индивидуализацией которого эта личность является. Благодаря этому, познав нечто общее в одной личности, историк вправе делать заключения по аналогии в отношении других личностей [1, с. 200]. Это означает, что предметом истории является то общее, что характерно для всех проявлений всеединого человека.

Это положение, в частности, находит у Карсавина применение в развертывании его идеи о закономерностях существования субъекта истории. Всеединое человечество в целом и во всех индивидуализирующих его личностях в ходе исторического развития конкретизирует заложенную в нем закономерность. Эта закономерность предполагает прохождение четырех этапов: «от потенциального всеединства индивидуальность развивается в первично-дифференцированное или надорганическое единство, из него – в органическое единство, завершающееся распадом и смертью» [1, с. 206].

Подводя итоги рассмотрения особенностей понимания Л.П. Карсавиным субъекта истории, надо сделать следующие выводы.

Признание Карсавиным метафизической, а, конкретно, религиозной основы существования мира, предопределило понимание им субъекта истории, как

носителя этого высшего плана реальности. Благодаря такому представлению, все частные моменты эмпирической истории в концепции Карсавина нашли свое объяснение исключительно через их связь с Богом. Они представляют собой элементы единого развивающегося целого, смыслом существования которого является достижение совершенства христианской церкви, актуализация той полноты действительности, которая в метафизическом плане уже существует.

В своем учении о субъекте истории Карсавин не просто отразил основные черты, свойственные для понимания такого субъекта в философии всеединства. Философ конкретизировал ряд характеристик субъекта истории, подробно рассмотрев его структуру, взаимосвязь составляющих его элементов, закономерности его существования и перспективы развития. Кроме того, Карсавиным была углублена метафизическая составляющая в понимании субъекта истории. В целом его учение, без преувеличения, может быть охарактеризовано как *метафизика всеединого субъекта истории*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Карсавин Л.П. Философия истории – СПб.: АО Комплект, 1993.
2. Карсавин Л.П. О началах. – СПб., 1994.
3. Карсавин Л.П. О личности // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. – С. 3-232.
4. Карсавин Л.П. Евразийская идея в материалистической оболочке // Философские науки, 2004, № 10. – С. 93-106.

A. Vinogradov

L. KARSAVIN'S VIEWS ON THE SUBJECT OF HISTORY

Abstract. The views on the subject of history proposed by a famous Russian religious philosopher L. Karsavin are studied in the article. The author shows that the idea of the subject of history formed in the philosophy of All-Unity was developed in Karsavin's works. Concluding the analysis of the material the author states that Karsavin's views on the subject of history became the logical continuation of those tendencies which had been proposed by V. Solovjov.

Key words: subject of history, philosophy of All-Unity, Russian religious philosophy, metaphysics, personality, collective historical individuality.